

Нет дыма без огня

– Вовка! Как же здорово, что ты приехал!!! Давай прямо завтра ко мне, а? Посидим по-домашнему. А то столько уже не виделись!

И вправду: виделись мы редко, да и то только урывками, а так, чтобы посидеть и наговориться вволю – такого за последние лет десять точно не было. Это при том, что отношение у меня к Димке никогда не менялось: умница, интеллектуал и эрудит, настоящий аристократ и по крови, и по духу, и при этом «свой в доску». Как мы подружились тому уж лет двадцать назад в Доме Учителя, где он пел в хоре, а я подрабатывал аккомпаниатором, так и сохраняли все эти годы теплую привязанность друг к другу, хотя он то и дело исчезал в Испании, а я вообще уже одиннадцать лет как в Мюнхене.

Жил он в Центре, в старом внушительном доме у Красных Ворот. Я был у него только пару раз, но вспомнил его квартиру сразу – с ее располагающей к себе атмосферой и добротной старой мебелью без претензий и нарочитости. В квартире за все эти годы мало что изменилось. Всё соответствовало основательности, искренности и внутреннему достоинству ее хозяев. Старенькое пианино Seiler – расстроенное, но с душой. Дореволюционная пишущая машинка рядом с монитором компьютера. Рядом на стене – уже слегка выцветший лист с разветвленным генеалогическим деревом его рода. Даже бюст знаменитого предка-скульптора все на том же месте, и поразительное сходство его с Димой с годами только еще более усилилось. Это была просто Димкина голова, с той же выразительной залысиной, благородным носом и утонченными европейскими чертами лица какого-нибудь английского аристократа вроде Хью Фрайзера в роли капитана Гастингса.

Мы заглянули в комнату его прихворнувших родителей. Навстречу мне поднялся красивый седой старик с удивительно моложавым лицом, в больших валенках и с замотанным в огромный шарф горлом. Поприветствовав меня, он извинился за свою простуду и за то, что они с женой не выйдут к столу. Светлая старушка, которую я поначалу даже и не заметил – такая она была прозрачная, – протянула мне из кресла свою слабую призрачную руку. Подошел поздороваться и сын – серьезный сосредоточенный мальчик лет четырнадцати.

Мимо, совершенно меня игнорируя, тигриной походкой прошел породистый и элегантный сиамский кот. Под высоченным потолком, в недосягаемости для кота, в двух клетках болтались канарейки, время от времени издававшие внезапно оглушительный гам. На мгновение меня взяла досада – вечно меня приглашали в дома со всякой живностью, где тут же начинало свербеть в носу и раздражалась моя проклятая аллергия, так что вскоре было уже не до общения и застолья, и приходилось позорно спасаться бегством. Но здесь дышалось как-то особенно легко, и я успокоился: просто невозможно было вообразить, что в таком добродушном и гармоничном, располагающем к себе жилище может быть скрыто что-то неприятное или опасное для меня.

Шикарный дубовый стол, за которым могли бы разместиться человек двадцать, был весь заставлен соблазнительными угощениями, бутылками с коньяком, водкой и вином, а также старинными тарелками, рядом с каждой из которых стояло по два бокала и три разного размера хрустальных рюмки, и лежали такие же древние приборы. Весь этот аристократизм, как ни странно, ничуть не коробил и не угнетал, и совсем не претил моей демократически-безродной душе.

Только вот Димкина жена где-то задерживалась.

– Будем ждать или сядем за стол?

Ее я видел только раз, полгода назад на моем концерте. Милая, женственная, с нежной улыбкой, умными глазами и симпатичным то ли белорусским, то ли сибирским выговором.

– Нет, ну что ты! Такую замечательную жену можно и подождать!

Мой друг усмехнулся. И, чтобы скоротать время, решил попотчевать меня телевизионным репортажем из глубинки, речь в котором шла об имении его предков.

Вот в кадре школьники, которым учительница показывает старинные фотографии и карты, рассказывая о Диминых прадедах. А вот и сам Димка, в тулупе и сапогах, деловито хозяйничает в своем доме, показывает собранную им оставшуюся со времен предков утварь, говорит просто и увлеченно, потом выходит на улицу к своим утопающим в грязи стареньким «Жигулям», волоча какую-то здоровенную деревяшку... А вот сомнительного вида мужичок «из народа», рассказывающий о том, что баре, по словам старожил, никого не обижали, и что все-все безумно любили славных и добрых хозяев поместья.

– Слышал, как заливает? – подал голос Димка. – Талант! Небось, в первый раз о моих предках слышит, но для красного словца готов напести с три короба! Хотя предки у меня и вправду были замечательные... Но ты дальше смотри!

Начался второй репортаж – о строительстве чудесной 16-тиметровой деревянной церкви на месте родовой усадьбы. Финансировали строительство Дима и сподвигнутые им многочисленные родственники. Суетились строители вперемежку с жителями, что-то тащили и носили, и Дима разворачивал план церкви, показывал его в камеру и что-то объяснял...

Тут мой друг потащил меня на балкон, показывать сложенные там гигантских размеров металлические петли для дубовых дверей храма. С балкона можно было разглядеть и его стоящую во дворе машину, так же как и в деревне по самую крышу заляпанную грязью.

В качестве продолжения беглого обзора своих предков Дима сообщил мне, что один из его прадедов был знаменитым народовольцем, а по отцовской линии его род восходит к Феликсу Мендельсону (чего только не намешено в его крови!). И в довершение всего поставил диск со скрипичным концертом своего американского двоюродного деда, носящего ту же фамилию, что и он сам. На обложке я с изумлением прочитал, что оркестром дирижирует сам великий Лени Бернстайн!

По-моему, Димка мог законно гордиться и своими деяниями, и своими предками, что он с удовольствием и делал. Но считать, что его распирало от гордости, было бы несправедливо: он был таким же, как всегда, утонченным и простецким одновременно – черта, отличающая подлинный аристократизм, которого уже практически не встретишь. Я искренне восхищался моим другом и радовался за него. Как же это все-таки здорово – знать свои корни и чувствовать свою связь с разбросанными по всему миру людьми, принадлежащими одному славному роду! Мне это было не дано – даже горстка родственничков всегда меня раздражала, а «голос крови» казался жутким атавизмом...

Тут в прихожей послышались шаги. Появилась хозяйка.

Как-то сразу стало понятно, что она не в настроении и этого не скрывает. Вяло огрызнувшись на упрек мужа, она все же приветливо поздоровалась со мной, но тут же ушла в свою комнату. Это было несколько странно и не очень приятно. Однако мой друг, словно ничего не замечая, в радостном возбуждении стал театрально всех зазывать.

Наконец, жена и сын вышли к столу, и мы расселись. С ее лица не сходила какая-то отстраненная полуироническая-полупрезрительная улыбочка.

– Вовка, анисовой, а? Смотри, здесь все свое, деревенское: грибы соленые – ты посмотри, какие! – и капуста квашеная! А огурчики-то, огурчики! Ну, за встречу?

– Селедка тоже своя?

– Не-е, – добродушно усмехнулся хозяин, – покупная, но тоже отменная!

И сразу подпил по второй.

– Вообще-то, Димка, знаешь, я же теперь практически не пью. Давление начинает скакать, а потом башка раскалывается.

– Да ты что, Вовка! Брось! Это ж от вина бывает! Я тебе точно скажу. У меня друг есть, потрясающий врач, просто гений! Так вот, про вино – это все дудки, что там пишут, будто оно полезно, а водка – совсем другое дело. По 50 грамм каждый вечер просто необходимо! Мой друг – он зря не скажет. Ты ведь пойми, сосуды тренировать надо! Нам бы бегать, но ведь не бегаем! А годы-то идут, верно? А так выпил грамм сто – все равно что стометровку пробежал.

– То-то я смотрю, ты теперь каждый вечер бегаешь! – язвительно заметила жена. – Километры наматываешь?

Ах, вот оно что! – по крайней мере, наконец-то прояснилась причина ее странного настроения. Я слегка удивился, но поспешил себя успокоить: это, не иначе, явное преувеличение. Димка крепок, как дуб!

Старинного друга надо было срочно поддержать.

– А знаешь, может ты и прав: я уже давно замечал, что водка на меня не так уж плохо действует!

Выпили. Ах, какие грибочки! Пружинистые, полные жизни... Ей-богу, хорошо!

Налили по новой.

– А помнишь, Вовка, как мы в Сараево «Черногорки» целую бутылку ткнули – и ничего!

– Ну да, это сначала ничего. А потом очень даже чего.

– Ага, зверская вещь. Но как легко пьется, зараза! Мы еще в горы полезли – вроде трезвые были. Побродили с часок, вдруг – бабах! И все...

– Вот с тех пор ты все время в горы и лезешь! – снова буркнула жена: – Конечно, что ж с нами считаться...

Ну, дела! Не ожидал я от этой особы такой несправедливости к моему другу, такой неприкрытой злобы. А ведь поначалу кроткой овечкой казалась! Ишь, зубки-то прорезались... Весь вечер бурчит. Это при том, что ведь палец о палец не ударила – все он приготовил! Добродушие моего Димыча просто на удивление безгранично. А сынуля-то как набычился, аж жевать перестал! Эх, не надо бы ей при сынуле-то, а? Не ровен час, скандал выйдет...

– Вот уж была благодать так благодать! – попытался я, как мог, спасти тающую на глазах гармонию. – Помнишь? На рассвете прямо только что испеченных булочек купили, в еще не открывшейся лавочке... Помнишь? Ну, за нас!

Эх, хороша капуста и огурчики, но грибочки – лучше всего! Да и анисовка – смотри-ка, ведь лекарством вонять должна, а поди ж ты – хорошая вещь! Как-то умеют все-таки в России каждой дряни придать какой-то особый колорит, характер, что ли... – даже не знаю, как выразить – так что она со временем никакого практически сопротивления уже не вызывает...

– А с работой-то у тебя как?

– Да как! В пяти местах! Профессура в университете.

– Ну, ты даешь! Правда?

– Только вот платят гроши... Зато – практически ни за что! Такая игра слов получается... Но жаловаться, вроде, грех.

– Да ты что, Димыч! – на меня накатило хмельное умиление. – Эх, думал ли я, что буду вот так, запросто, выпивать с профессором МГУ!

– Брось, Вовка! Это я – с великим композитором за одним столом!

Он поднялся и приобнял меня.

– Пойду-ка я, принесу горяченького! – и уверенно прошествовал на кухню, откуда уже давно заманчиво пахло.

Непонятно... Он же прекрасно выглядит и покрепче меня будет. Да вроде как никогда и не пьянел. Ну, по крайней мере, не до потери образа и подобия...

Я посмотрел на жену. Она ответила грустным взглядом – чем, мол, богаты, тем и рады...

– Что, неужто так плохо? Как-то не верится.

– А чего ж хорошего? Все время одно и то же...

И она пустилась в какие-то горькие разъяснения пополам с упреками, а я сидел и думал: да, одно и то же, одно и то же...

Такой светлый, достойный и тонко чувствующий человек, умница, широкая душа!.. Но ведь она ж ему жена, ведь мы же все люди! Кто ж его поддержит и поймет?.. Одно и то же, одно и то же, одно и то же... А что, если был бы с ней такой божественный пропойца, как Веничка? Что бы от этого изменилось, если рядом с ней погибал гений? Может, гений и погибает... Да точно так же бы и гнала – безжалостно, безнадежно... Бедный, бедный мой друг!.. Утонченный аристократ, черт побери, географ и экономист, эрудит, рубаха парень...

– ...а Вы у нас ночевать останетесь?

Я с трудом вернулся к реальности.

– Если нет, он Вас обязательно до метро проводит. Он всегда потом гостей провожает...

Она выразительно помолчала и добавила:

– Вообще-то из-за Димы у нас все равно редко кто из гостей ночевать остается.

Я понимал, что тут полагается спросить, почему. Мне очень не хотелось этого делать. И все-таки я спросил:

– Почему?

– Расскажи ты. – Она ободряюще кивнула сыну.

Сын злорадно ухмыльнулся.

– Он ночью обязательно к гостям пробирается... Тихо-тихо так...

Я почувствовал, что надвигается что-то неотвратимое, как во сне, где нет сил, ни убежать, ни заслониться...

– Да это просто ужас! – перебила жена, как будто была не в состоянии больше терпеть. – Дима пробирается к ним, вот к этому дивану, где они спят, откидывает тихонько одеяло и начинает им ноги трогать!!!

– Дима??? В каком смысле? – обалдело спросил я и понял, что плохо соображаю. Кошмар стремительно сгустился вокруг меня. Такие подробности какому-то малознакомому человеку выкладывать?..

– В каком же еще смысле можно ноги трогать? – жена горько усмехнулась. – Да в самом прямом!

– А кому это приятно? – смачно поддакнул сын.

Ну, дела... Оказывается, совсем паршиво. Это уж не шутки, тут лечиться надо... Да как же это может быть? Чтобы мой друг?.. Но все равно, разве ж можно так сына на отца натравливать, да еще в присутствии чужого человека! Это же последнее дело, это такая трещина в семье – просто пропасть. Так вот какой горечью оборачивается вся эта прочная гармония!..

– ... а иногда наш Дима на этом не останавливается! – злорадно продолжала жена, которую, видно, понесло. – Сначала трогает их за ноги, а если гости не просыпаются – то он вообще начинает их лизать...

– ?..

Волосы зашевелились внутри моей головы. Мне захотелось сжаться в комок и вообще исчезнуть...

Закричали канарейки. Пусть они замолчат! Меня знобит. Я болен. Ну почему я вдруг такой трезвый?! Почему я не заткнул вовремя уши или не закричал, чтобы ничего этого не слышать?! Где я, в конце концов? в гостях у друга или в психушке? Откуда такая чудовищная порочная склонность? из каких бездн Диминого подсознания выполз этот монстр? Или то было стремлением унизиться, расплатой за его утонченный аристократизм, компенсацией его чрезмерной гордыни?

Я содрогнулся, представив себе, как засыпаю здесь на диване и просыпаюсь от того, что профессор университета и рафинированный аристократ духа, потомок прославленных скульпторов и музыкантов лижет мне ноги...

Нет, это уж слишком! не может быть... Судьба не имеет права быть к нему так жестока! К нему – возводителю церквей, красавцу, любимцу женщин... Баловню судьбы... Моему старому верному другу...

Он? Он? лижет ногами кому-то ноги в пьяном экстазе??? Нет, нет! этого не может быть! Как это можно себе представить? как смотреть ему в глаза? Ужасно...

– Не беспокойтесь, я не останусь, – хрипло выдавил я и поперхнулся. – Я вообще не собирался...

Дверь стала медленно приоткрываться.

– Ага, а вот и он! – усмехнулась жена. – Легок на помине. Наш «Дыма»...

Как это низко! Что она, собственно говоря, хотела сказать этим коверканьем имени? Или...

Боже мой, боже мой! – ...элегантной аристократической походкой, никого не удостоивая вниманием, в комнату царственно вошел и прошествовал мимо меня Дыма – почти что тезка моего почти безвозвратно оплаканного друга...

Дымчатый сиамский кот.

<http://izvestia.ru/letters/article3004653/> А был ли Мартос?

Прошел новый государственный праздник. Одним из главных его символов стали известные большинству россиян еще со школьной скамьи гражданин Минин и князь Пожарский. В семье, где я вырос, эти имена были постоянно на слуху еще по одной причине: автором памятника Минину и Пожарскому, установленного на Красной площади в Москве в 1818 году, был один из моих предков - Иван Петрович Мартос (1754-1835). С детства я знал многие детали того, как долго создавался памятник, как Мартос добился установки монумента не в том месте, где предлагал Александр I (в геометрическом центре площади), а ближе к Верхним торговым рядам, известным с советского времени как ГУМ. И прочее, прочее...

И вот наступил праздник. Памятник стал, как теперь говорят, "брендом". В этот день неожиданно для себя я узнал о нем новое. В "Известиях" прочел, что "на днях в Нижнем Новгороде установлена копия памятника Минину и Пожарскому работы Зураба Церетели". В новостях по радио и телевидению весь день звучали репортажи, в которых большинство комментаторов говорили проще: слово "копия" вообще опускали. Конечно, за предка обидно. Но это личное. Главное - в другом. Неужели известный на всю страну памятник Минину и Пожарскому "работы Церетели" станет органической частью той "правды" отечественной истории, которую мы теперь ежегодно будем узнавать от власти?

Дмитрий Лопатников, доктор географических наук, Москва

Воронежская область: потомки дворян построят часовню на месте усадьбы своих предков

26.10.2006 18:20

[Версия для печати](#)

Воронеж, 26 октября, Благовест-инфо. Профессор Московского педагогического университета **Дмитрий Лопатников**-Крашенинников решил возвести часовню на месте имения своих предков – дворян Крашенинниковых в селе Грушино Верхнехавского района Воронежской области. В праздник Покрова Божией Матери состоялась установка и освящение креста на месте будущей часовни.

Несколько лет назад потомки дворян, владевших окрестными угодьями, выкупили землю на месте, где находились барский дом и остатки окружавшего его регулярного парка. По их инициативе в местной школе был создан общественный музей крестьянского и сельского дворянского быта, в селе стали проводиться праздники на день Покрова в память о престольном празднике села. Впоследствии возникла идея построить на свои средства деревянную часовню в честь праздника Покрова Божией Матери.

Как сообщает "Воронежский курьер", Дмитрию Лопатникову-Крашенинникову удалось заинтересовать и привлечь к делу возрождения благочестия в селе потомка владельцев другого, находившегося поблизости имения дворян Халютиных Олега Василькова, собственноручно изготовившего крест, который и был установлен на месте будущего небольшого храма. Работы по его возведению планируется начать уже следующей весной, а завершить – к престольному празднику Покрова Пресвятой Богородицы.

• **Дмитрий Лопатников**

[\(imartos@mail.ru\)](mailto:imartos@mail.ru)

Благодарю за то, что дали информацию. С уважением, Д. Лопатников.